

РАСКОПКИ
СЪВЕРЯНСКИХЪ КУРГАНОВЪ
ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

во время XIV археологическаго съѣзда.

Д. Я. Самоквасова.

Посмертное изданіе.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1916.

РАСКОПКИ
СЪВЕРЯНСКИХЪ КУРГАНОВЪ
ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

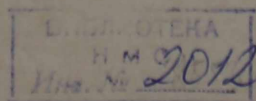
во время XIV археологическаго съѣзда.

Д. Я. Самоквасова.

Посмертное изданіе.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1916.

Раскопки для Черниговскаго Археологическаго Съезда 1908 года *).

На Екатеринославскомъ Археологическомъ Създѣ 1905 года Черниговскіе депутаты отъ имени Черниговскаго Городскаго Управленія, земства и дворянства предложили Ученому Совѣту Създа избрать городъ Черниговъ мѣстомъ очереднаго общерусскаго археологическаго създа 1908 года; другіе предлагали назначить этотъ създъ въ одномъ изъ городовъ Сибири или въ одномъ изъ городовъ области бывшихъ греческихъ колоній на югѣ Россіи. Я защищаль предложеніе Черниговскихъ депутатовъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Во первыхъ, я не знаю города въ Русской землѣ, кромѣ Кіева, въ которомъ сохранилось столько древностей, высоко важныхъ для научнаго познанія начальныхъ періодовъ исторіи русскаго народа, какъ въ городѣ Черниговѣ; здѣсь имѣются языческіе могильники богатаго содержанія, древнѣйшіе памятники русскаго зодчества съ фресками и найдены были богатые клады золотыхъ и серебряныхъ украшеній эпохи первыхъ князей Рюриковичей; но эти древности русскаго народа еще малоизвѣстны въ спеціальныхъ областяхъ историко-археологическихъ знаній, не изданы и не разработаны научно. Во вторыхъ, я желалъ воспользоваться проектированнымъ Черниговскимъ археологическимъ създомъ, чтобы показать курганокопателямъ практическіе приемы изысканія бытовыхъ издѣлій въ курганахъ съ кострищами и могильныхъ ямъ въ курганахъ съ костяками, такіе приемы, которыхъ невозможно передать раскопочною инструкціей, но легко показать на дѣлѣ, раскопками; а для демонстраціи многочисленному ученому създу научныхъ приемовъ изысканія бытовыхъ издѣлій въ кострищахъ и могильныхъ ямъ съ костяками, извлеченія изъ древнихъ могилъ полностью сохранившагося содержанія и обращенія археологическаго матеріала въ средство научнаго рѣшенія историческихъ вопросовъ, Черниговъ является единственнымъ городомъ въ Россіи, такъ какъ только въ этомъ городѣ сохранились курганные могильники, состоящіе изъ насыпей, покрывающихъ языческія кострища и могильныя ямы съ костяками. Въ третьихъ, до настоящаго времени въ значительной степени сохраняетъ свою силу сказанное К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ 1872 году: большія усилія были направлены въ область древнихъ греческихъ колоній, „а самыя важныя вопросы для всей Русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а сюда почти еще не заходили работники“. Нынѣ работники заходятъ уже и въ центральныя губерніи; но какіе и при какихъ средствахъ? Большею частію народные учителя, студенты, священники, офицеры, помѣщики, люди безъ университетскаго образованія, которымъ выдаются открытыя листы на производство раскопокъ

*) Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ покойнаго профессора Д. Я. Самоквасова, есть нѣсколько статей о раскопкахъ, которыя, хотя не окончены и съ перерывами, однако-же своимъ изданіемъ могутъ представить нѣкоторый интересъ и послужить къ дополненію прежнихъ работъ профессора. Въ предлагаемой брошюрѣ помѣщены статьи о раскопкахъ для Черниговскаго Археологическаго Създа 1908 года. Т. С.

въ данныхъ уѣздахъ на свои частныя средства, или съ пособіемъ въ 100—300 р., на которое невозможно обслѣдовать въ археологическомъ отношеніи не только уѣздъ, но даже одинъ могильникъ, даже одинъ курганъ большой величины. Рядомъ съ такими спорадическими раскопками, наполняющими наши музеи археологическими матеріалами, ничего не говорящими русскому историку, затрачиваются десятки тысячъ рублей на продолженіе раскопокъ въ области бывшихъ греческихъ колоній и на покупки, храненіе и изданіе образцовъ древняго греческаго искусства, давно извѣстныхъ наукѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло научной разработки древностей центральныхъ губерній Россіи, съ которыми связано рѣшеніе научныхъ вопросовъ, самыхъ важныхъ для всей Русской исторіи, не можетъ идти успѣшно и остается по отношенію къ начальнымъ періодамъ исторіи русскаго народа почти въ томъ состояніи, какое характеризовано въ первомъ томѣ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина, не смотря на множество появившихся съ 1872 года спорадическихъ раскопокъ, частныхъ и общественныхъ собраній древностей и изданій „типичныхъ вещей“, найденныхъ въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ, городахъ, селахъ и деревняхъ. А пока могильныя древности центральныхъ губерній Россіи остаются малоизвѣстными и необработанными научно, до тѣхъ поръ нецѣлесообразно съ точки зрѣнія интересовъ русской археологіи и исторіи собирать общіе русскіе археологическіе съѣзды въ области древнихъ греческихъ колоній, давно уже обслѣдованной и представленной во множествѣ превосходныхъ изданій компетентными учеными археологами, и въ городахъ Сибири, приобщенной къ русской территоріи только въ XVI столѣтіи, гдѣ нѣтъ русскихъ древностей. Для специалистовъ же по изученію классическихъ и сибирскихъ древностей могутъ быть собираемы спеціальныя мѣстныя археологическіе съѣзды.

Лучшимъ фактическимъ доказательствомъ неосвѣдомленности нашихъ высшихъ ученыхъ сферъ о древностяхъ центральныхъ губерній Россіи можетъ служить фактъ, заявленный въ первомъ засѣданіи Черниговскаго Археологическаго Съѣзда графиней П. С. Уваровой: въ Московскій Предварительный Комитетъ по устройству Черниговскаго Археологическаго Съѣзда было прислано отношеніе, подписанное профессорами и академиками, занимающими высокое положеніе въ наукѣ, о замѣнѣ для Съѣзда 1908 года города Чернигова городомъ Новгородомъ, мотивированное тѣмъ, что въ Черниговѣ нѣтъ древностей, имѣющихъ научный интересъ. Ошибочность этого мотива показали выставка Съѣзда, рефераты о Черниговскихъ древностяхъ, протоколъ о новооткрытыхъ во время Съѣзда фрескахъ на стѣнахъ Елецкаго монастыря и результаты раскопокъ Съѣзда языческихъ кладбищъ въ городѣ Черниговѣ.

Когда сказанный Комитетъ и Предварительный Съѣздъ по устройству общаго археологическаго съѣзда 1908 года остались при рѣшеніи Ученаго Совѣта Екатеринославскаго Съѣзда, то я посѣтилъ Черниговъ, осмотрѣлъ курганные могильники, означенные на планѣ города Чернигова съ его древностями (Могилы Русской земли; стр. 189), составленномъ въ 1872 году, и былъ пораженъ уничтоженіемъ кургановъ въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ: не сохранилось и пятой доли могильныхъ насыпей, покрытыхъ дерномъ и имѣвшихъ конусообразную форму и обводные рвы.

На двухъ большихъ курганахъ Болдиной горы, лежащихъ рядомъ съ курганами Гульбищемъ и безымяннымъ, раскопанными въ 1872 году, оказались глубокія ямы, свидѣтельствовавшія о раскопкѣ, о которой не имѣется никакихъ свѣдѣній въ археологической литературѣ. Западная часть курганнаго могильника на Болдиной горѣ, ближайшая къ Троицкому монастырю, отведена подъ новое кладбище и здѣсь уже на языческихъ могилахъ возвышаются

новые кресты. Съ сѣверной стороны Болдиной горы, прилежащей къ Ольгову полю, березовая роща сохранилась только узкимъ бордюромъ, у ограды съ правой стороны дороги изъ города къ Троицкому монастырю, и въ этомъ бордюрѣ сохранилось до 50 кургановъ; а часть бывшей рощи со стороны Ольгова поля вырублена, земля распахана и болѣе 100 кургановъ, здѣсь помѣщавшихся, запаханы до такой степени, что отъ нихъ никакихъ слѣдовъ не осталось. Вершина „Долгаго Кургана“ на Ольговомъ полѣ еще остается покрытою дерномъ, а окружность подошвы уже распахана; обводный ровъ запаханъ и отъ кургановъ въ его сосѣдствѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ. На мѣстѣ большой курганной группы, помѣщавшейся при выѣздѣ изъ города по улицѣ Гончей, на правомъ берегу Стрижня возведены заводы, усадьбы, проведены дороги и въ этой мѣстности уже не сохранилось ни одного кургана. На правомъ побережьи Стрижня, вокругъ „Стараго Кладбища въ Березкахъ“ также появились усадьбы на мѣстахъ бывшихъ кургановъ и здѣсь сохранились только курганы въ оградѣ христіанскаго кладбища и нѣсколько большихъ насыпей въ садахъ и огородахъ, уцѣлѣвшихъ отъ сръза и распашки, благодаря своей величинѣ, но ихъ подошвы уже распаханы, а рвы запаханы. Два кургана въ оградѣ кладбища и всѣ сохранившіеся курганы по сторонамъ Минской или Халявинской дороги и проселка въ урочище Яловщину, въ числѣ 12, я нашелъ уже раскопанными, посредствомъ перекрестныхъ траншей; но о результатахъ раскопки не имѣется свѣдѣній въ археологической литературѣ. Отъ большого курганнаго могильника у д. Гущина, въ трехъ верстахъ отъ Троицкаго монастыря, сохранилось нѣсколько кургановъ въ уцѣлѣвшей части кустарника, а болѣе 100 кургановъ обращены въ поле безъ какихъ бы то ни было признаковъ бывшихъ кургановъ.

Осматривая раскопанные курганы на лѣвомъ побережьи Стрижня, въ урочищѣ „Старое Кладбище въ Березкахъ“, по Халявинской дорогѣ и проселку въ урочище Яловщину, я убѣдился, что лица, производившія здѣсь раскопки, не зная практическихъ приѣмовъ опредѣленія положенія могильныхъ ямъ подѣ курганами и извлеченія бытовыхъ издѣлій изъ языческихъ кострищъ, своими раскопками только уничтожали языческіе памятники, выбрасывая безъ изслѣдованія кострища и не докапываясь до дна могилъ, когда насыпи покрывали могильныя ямы, углубленныя въ материковую глину, чѣмъ и объяснялось отсутствіе въ археологической литературѣ свѣдѣній о находкахъ въ Черниговскихъ курганахъ.

Въ засѣданіи Черниговской Ученой Архивной Комиссіи, состоявшемся во время моего пріѣзда въ Черниговъ для обсужденія вопроса о систематическихъ раскопкахъ въ Черниговской губерніи къ предстоящему четырнадцатому Археологическому Съѣзду, я показалъ составленную мною карту Сѣверянской земли, пояснилъ ея содержаніе и сказалъ, что границы этой земли въ предѣлахъ уѣздовъ, лежащихъ по Днѣпру, Деснѣ и Сейму, со стороны бывшихъ земель Полянъ, Древлянъ, Радимичей и Вятичей, опредѣлены раскопками прежнихъ лѣтъ; остается неопредѣленною граница со стороны рѣки Сулы и опредѣлить ее систематическими раскопками могилъ ко времени открытія Съѣзда 1908 года было бы въ высшей степени желательно; а это вполне возможно, такъ какъ до открытія Съѣзда остается еще два лѣта. Для этого нужно въ намѣченныхъ мною пунктахъ произвести раскопки курганныхъ могильниковъ, сопровождающихъ городища, раскапывая въ каждомъ изъ нихъ 3—5 могилъ и передвигаясь къ слѣдующему, по теченію Ворсклы, Пела и Сулы въ Полтавской губерніи и въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, по теченію Десны, Остра и верхнихъ теченій западныхъ притоковъ Сулы. Что касается раскопокъ по Ворсклѣ, Пелу и Сулѣ, то онѣ на первый годъ уже поручены Московскимъ Комитетомъ г.г. Городцову, Макаренко и Стеллецкому, а по

Деснѣ въ Остерскомъ уѣздѣ—г. Хвойко; раскопки же въ остальныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи было бы желательно совершить трудами мѣстнаго Комитета по устройству Съѣзда и мѣстной Ученой Архивной Коммисіи на мѣстныя средства, такъ какъ Московскій Комитетъ не располагаетъ средствами на раскопки въ Черниговской губерніи, по моему мнѣнію, существенно важныя для результатовъ научной дѣятельности Черниговскаго Археологическаго Съѣзда. Но оказалось, что въ распоряженіи мѣстныхъ учреждений на потребности Съѣзда 1908 года состояли только 600 р., пожертвованные бывшимъ Предсѣдателемъ Земской Управы Мухановымъ. Тогда я предложилъ отложить раскопки до будущаго года, а въ текущемъ году поручить одному изъ членовъ мѣстнаго Комитета объѣздъ уѣздовъ Козелецкаго, Борзенскаго, Нѣжинскаго и Конотопскаго, для обозрѣнія городищъ и кургановъ, означенныхъ на моей картѣ Сѣверянской земли, съ цѣлью предварительнаго обозрѣнія и опредѣленія вѣднѣйшихъ формъ и количества сохранившихся кургановъ въ сказанныхъ мѣстностяхъ. Этотъ трудъ принялъ на себя членъ мѣстной Коммисіи священникъ Карпинскій.

Въ томъ же засѣданіи я поставилъ на обсужденіе вопросъ о раскопкахъ въ Черниговѣ и его окрестностяхъ во время Съѣзда 1908 года и спросилъ, были ли производимы здѣсь археологическія изслѣдованія послѣ моихъ раскопокъ, а если были, то гдѣ хранятся находки въ разрытыхъ курганахъ. Оказалось, что въ періодъ своего существованія мѣстная Архивная Коммисія не имѣла средствъ для систематическихъ археологическихъ изслѣдованій, а были производимы только спорадическія раскопки немногихъ кургановъ на лѣвомъ побережьи Стрижня, при выѣздѣ изъ Чернигова по Халявинской дорогѣ и въ области Бѣлоуса, вблизи с. Рогощи; но въ разрытыхъ курганахъ бытовыхъ издѣлій не найдено, за исключеніемъ горшка съ пережженными костями барана, найденнаго въ одномъ изъ Табаевскихъ кургановъ съ кострищемъ и хранящагося въ Музеѣ Черниговской Архивной Коммисіи. Тогда я предложилъ раскопать во время Съѣзда нѣсколько кургановъ на лѣвомъ побережьи Стрижня, на Болдиной горѣ праваго побережья Десны, Долгій курганъ на Ольговомъ полѣ, Черниговское древнѣйшее городище, именуемое нынѣ валомъ и нѣсколько кургановъ въ области р. Бѣлоуса, если Съѣздъ будетъ имѣть время, сверхъ раскопокъ въ городѣ Черниговѣ, совершить загородную археологическую экскурсію; а для того до времени открытія Съѣзда необходимо было испросить на раскопку Долгаго кургана разрѣшеніе частнаго владѣльца и получить свѣдѣнія о величинѣ и количествѣ кургановъ въ могильникахъ области р. Бѣлоуса, означенныхъ на картѣ Константиновича. Трудъ по собиранію сказанныхъ свѣдѣній принялъ на себя также священникъ Карпинскій.

Изъ раскопокъ, проектированныхъ мною и на мои средства для Съѣзда 1908 года, были исполнены только слѣдующія:

1. В. А. Городцовъ, затративъ тысячу рублей, изслѣдовалъ Бѣльское городище на р. Ворсклѣ, въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, и двадцать два кургана въ его окрестностяхъ, по устройству и содержанію, оказавшихся могилами Аксютинскаго типа. Рефератъ объ интересныхъ результатахъ этой раскопки былъ сообщенъ на Черниговскомъ Съѣздѣ и будетъ напечатанъ въ „Трудахъ“ этого Съѣзда; но вопросъ о возможности существованія въ области р. Ворсклы Сѣверянскихъ городищъ и могильниковъ языческой эпохи Козарскаго и русскаго періодовъ остается открытымъ, такъ какъ не было сдѣлано систематическихъ раскопочныхъ развѣдокъ въ курганныхъ могильникахъ разныхъ видовъ, сохранившихся по теченію р. р. Ворсклы, Мерлы и Коломака, означенныхъ на картѣ, переданной мною В. А. Городцову одновременно

съ порученіемъ Московскаго Комитета по устройству Съѣзда 1908 года о производствѣ курганныхъ раскопокъ въ области р. Ворсклы. Находки г. Городцова въ Бѣльскомъ городищѣ и его окрестностяхъ, частію доставленныя на выставку по выбору графини П. С. Уваровой, поступили полностью на храненіе въ Императорскій Историческій Музей.

2. Г. Макаренко, затративъ 300 рублей, изслѣдовалъ одинъ большой и шесть малыхъ кургановъ могильника на р. Пслѣ въ Гадячскомъ уѣздѣ, у с. Броварки, оказавшихся также ограбленными могилами со срубными гробницами и срубными засклепками Аксютинскаго типа, подобными прежде открытымъ въ той же мѣстности г. Хвойко на средства Б. И. Ханенко, находки котораго хранятся въ Кіевскомъ Городскомъ Музеѣ. Въ томъ же Музеѣ хранятся находки въ курганахъ области Псла, однородныя съ находками въ курганахъ верхняго теченія Псла, у м. Мирополя и Николаевской Пустыни, Суджанскаго уѣзда, а также въ двухъ курганныхъ могильникахъ на Сулѣ, въ г. Глинскѣ, Роменскаго уѣзда. По своему устройству и содержанію курганные могильники этого рода не принадлежатъ Сѣверянскому племени. Однако же на основаніи раскопокъ, произведенныхъ по настоящее время въ области средняго теченія Псла, нельзя сказать, что тамъ нѣтъ Сѣверянскихъ могильниковъ языческой эпохи, потому что въ этой области еще не было сдѣлано систематическимъ археологическимъ раскопокъ, съ послѣдовательнымъ переходомъ отъ одной курганной группы къ другой для вскрытія хотя бы только 3—5 насыпей въ каждой группѣ, съ цѣлью опредѣленія устройства и содержанія могилъ въ каждой изъ нихъ. Г. Макаренко предполагалъ сообщить рефератъ Черниговскому Съѣзду о своихъ раскопкахъ на р. Пслѣ, но сообщеніе не состоялось, по недостатку времени; а въ послѣднемъ засѣданіи Съѣзда постановлено: рефераты, не прочитанные на Съѣздѣ по недостатку времени, напечатать въ „Трудахъ Съѣзда“. Находки г. Макаренко предполагалось помѣстить въ музеѣ Сѣверянской земли, проектированномъ Черниговскимъ Археологическимъ Съѣздомъ; нынѣ надежда на осуществленіе проекта этого музея утрачена, а потому сказанныя находки переданы въ распоряженіе Императорской Археологической Коммисіи, откуда выданъ былъ г. Макаренко Открытый листъ для раскопокъ въ области р. Псла Полтавской губерніи.

3. Въ области р. Сулы систематически изслѣдованы прежними раскопками, съ послѣдовательнымъ переходомъ отъ одного могильника къ другому, только языческія кладбища, сохранившіяся въ предѣлахъ Роменскаго уѣзда по теченію Сулы отъ с. Волховцы до г. Глинска и по теченію р. Ромна. Здѣсь по теченію р. Сулы, у поселеній Волховцы, Будки, Аксютинцы, Герасимовки, Ромны, Лозовой, Поповки, Ярмолинцы, Сурмачовки, Глинскъ, Волошковичи открыты курганные могильники, впервые открытые мною въ 1876 году въ урочищахъ „Стайки“ и „Солодкое“ у с. Аксютинцы, а потому получившіе именованіе кургановъ Аксютинскаго типа. Но рядомъ съ такими курганами встрѣчены два могильника въ городѣ Глинскѣ, однородные по устройству и содержанію съ могильниками у с. Мирополя и Николаевской пустыни на р. Пслѣ и два могильника у с. с. Липоваго и Медвѣжья по теченію Ромна, однородные съ Сѣверянскими курганными могильниками, не встрѣченные на Сулѣ между Волховцами и Глинскомъ. Но по теченію Сулы должны были сохраниться курганные могильники, однородные съ Липовскимъ и Медвѣжьимъ области р. Ромна, потому что по лѣтописи Сѣверяне жили по Деснѣ, Сейму и Сулѣ. Для провѣрки этого предположенія я передалъ 200 рублей И. Я. Стеллецкому и просилъ его произвести раскопчныя развѣдки на Сулѣ у м. Снятина, Лубенскаго уѣзда, въ древнемъ городищѣ и окрестныхъ курганныхъ могильникахъ, въ которыхъ, по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, въ 1873 году было насчитано болѣе 1700 кургановъ. Раскопки г. Стеллецкаго показали, что въ окрестностяхъ Снятина встрѣчаются ограбленные

курганы со срубными гробницами и бронзовыми наконечниками стрѣлъ Аксиутинскаго типа; но двѣ огромныя группы малыхъ кургановъ состоятъ изъ могилъ сѣверянскаго погребальнаго обряда, однородныя съ курганами Черниговскими, Переяславскими, Липовскими и другими, покрывающими костяки въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ песчано-глиняной подпочвѣ съ бытовыми издѣліями, по формамъ и составу, сходными съ издѣліями Сѣверянскихъ кургановъ. Часть находокъ г. Стеллецкаго передана въ Музей Черниговской Архивной Коммисіи, а часть поступить въ Музей Московскаго Археологическаго Института, когда онъ будетъ имѣть свое помѣщеніе.

4. Развѣдки г. Хвойко въ Остерскомъ уѣздѣ не состоялись по неизвѣстной мнѣ причинѣ, и я не знаю, на что были употреблены 300 рублей, переданные на эти развѣдки.

5. Раскопки для Съѣзда 1908 года я проектировалъ въ большихъ размѣрахъ, по той причинѣ, что здѣсь были находимы очень интересныя древности, относящіяся къ разнымъ историческимъ эпохамъ: „на глубинѣ 8 аршинъ—кость мамонта, а возлѣ нея шлифованное каменное долото“; „каменный полированный молотокъ, со сверлиною“; „въ курганѣ—черепъ человѣка, каменный молотокъ, кусокъ желѣза на подобіе стрѣлы и кусокъ янтаря“; „въ городкѣ найдены каменныя орудія“; „въ курганѣ—скелетъ, а при немъ глиняный сосудъ и мѣдный молотокъ“; „въ землѣ на значительной глубинѣ—шесть глиняныхъ статуэтокъ, изображающихъ египетскія муміи, съ іероглифами“; „въ курганѣ—бронзовый трехгранный наконечникъ стрѣлы, четырехугольная золотая бляшка, изображающая лежащаго оленя съ многовѣтвистыми рогами, желѣзныя бляшки отъ панцыря и пр.“; въ „курганѣ—два большихъ желѣзныхъ копыя со втулками, желѣзныя удила, украшенныя двумя бронзовыми колечками, бронзовое украшеніе въ видѣ орлиной головы“; „нашли въ землѣ кладъ, состоявшій изъ двухъ золотыхъ запястій украшенныхъ красными камнями, бронзоваго кольца и 1312 серебряныхъ римскихъ монетъ императоровъ: Нерона, Домиціана, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пія, Юлія Цезаря, Луція Вера, Фаустины старшей, Фаустины младшей, Марка Аврелія, Криспины Луциллы, Пертинакса и Септимія Севера“; „въ курганѣ между человѣческими костями находили желѣзныя стрѣлы и серебряныя монеты римскихъ императоровъ“; „въ курганѣ „Целекалиха“ найдены золотая шейная гривна, серебряныя вещи и глиняная посуда“; „много земляныхъ насыпей имѣющихъ видъ могилъ; разрыты нѣкоторыя изъ нихъ, и въ каждой, на глубинѣ отъ 1 до 1½ аршинъ отъ поверхности, найдены глиняныя горшки, наполненные пепломъ и мелкими костями“; „въ курганѣ найденъ слой угля и золы“; „на черепахъ—бронзовые наголовники съ узорчатými подвѣсками“....

Выбирая для Съѣзда 1908 года (см. Труды Моск. Комит.; в. I) приведенныя свѣдѣнія изъ дѣлъ И. А. Коммисіи и изъ другихъ источниковъ, я былъ удивленъ разнообразіемъ археологическихъ находокъ въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, состоящихъ изъ предметовъ всѣхъ историческихъ эпохъ, начиная съ каменныхъ орудій неолитической эпохи до времени появленія въ областяхъ Десны, Сейма и Сулы Сѣверянскихъ кургановъ съ кострищами, погребальными урнами и костяками въ могильныхъ ямахъ. Но эти находки случайны, отрывочны, спорадичны, непровѣрены, а такія находки бесполезны для историка, не могутъ обратить археологическій матеріалъ въ источникъ историческаго знанія.

Напримѣръ, находка 14 сентября 1873 года въ пяти верстахъ отъ г. Нѣжина, у дороги на с. Пашковку, двухъ золотыхъ запястій, инкрустированныхъ камнями и бронзоваго кольца вмѣстѣ съ 1312 экземплярами серебряныхъ монетъ римскихъ императоровъ представляетъ

собою фактъ величайшаго интереса для русскаго археолога, потому что указывает на происхожденіе и датирует собою инкрустированныя камень и стекломъ металлическія издѣлія готскаго стіля, встрѣчаемыя въ области Днѣпра и невѣрно именуемыя въ археологической литературѣ издѣліями готскаго (нѣмецкаго) стіля. Та же находка могла бы получить громадный интересъ для русскаго историка, если бы археологія фактически доказала, что владѣлецъ золотыхъ записей, инкрустированныхъ камнями, и 1312 римскихъ монетъ императорской эпохи закопалъ свой кладъ въ свою землю, на которой онъ и его сожители оставили свое поселеніе и свое общественное кладбище, на примѣръ въ с. Талалаевкѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Нѣжина, гдѣ „въ курганѣ находили между человѣческими костями желѣзныя стрѣлы и серебряныя монеты римскихъ императоровъ: Марка Аврелія, Антонина Пія, Авреліана и Фаустины“. Но такія доказательства невозможно получить случайными находками и раскопками городищъ и кургановъ, произведенными въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи профессорами Антоновичемъ, Завитневичемъ, Лилѣевымъ и другими лицами, имѣвшими возможность затрачивать на свои археологическія раскопки ничтожныя суммы въ 100—300 рублей; это не археологическія изслѣдованія, а развѣдки, почти всегда совершенно бесполезныя для археологіи и исторіи. У насъ издавна сложилось невѣрное мнѣніе, по которому на раскопки въ южной Россіи, въ области древнихъ греческихъ колоній, признается обязательнымъ отпускать тысячи рублей, а раскопки въ центральныхъ губерніяхъ предоставлять частнымъ средствамъ, или отпускать на нихъ только десятки и немногія сотни рублей, какъ будто серьезныя изслѣдованія русскихъ городищъ и кургановъ не требуютъ серьезныхъ средствъ, и самыя раскопки здѣсь являютъ собою дѣло игрушечное, всякому доступное, а не научное, требующее широкихъ знаній, общихъ и спеціальныхъ. Казалось бы археологическія изданія графа А. С. Уварова, графа А. А. Бобринскаго и Б. И. Ханенко должны доказать, что успѣхи русской археологіи возможны только при затратахъ средствъ на раскопки русскихъ городищъ и могильниковъ и изданіе добытыхъ матеріаловъ, какія затрачиваются у насъ на греческія городища и могилы южной Россіи.

На основаніи предварительныхъ развѣдокъ въ областяхъ Ворсклы, Псла, Сулы и южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, порученныхъ вышесказаннымъ лицамъ, я имѣлъ въ виду, при помощи тѣхъ же лицъ, произвести лично раскопки въ обширныхъ размѣрахъ въ теченіе лѣта 1908 года, съ цѣлью фактическаго опредѣленія восточной границы кургановъ Аксютинскаго типа и южной границы Сѣверянской земли языческой эпохи, и ассигновалъ на это дѣло три тысячи рублей. Практика прежнихъ лѣтъ убѣдила меня, что только систематическія раскопки въ обширныхъ размѣрахъ, выясняющія устройство и содержаніе всѣхъ видовъ могиль, сохранившихся въ данныхъ мѣстностяхъ, даютъ фактическій матеріалъ для историческихъ выводовъ, обращаютъ археологическій матеріалъ въ источникъ научнаго знанія исторіи народовъ, населявшихъ Русскую землю съ глубокой давности до времени общаго крещенія русскаго народа. Такими были мои раскопки въ Черниговѣ и его окрестностяхъ 1872—1874 г.г., когда затрачено было болѣе трехъ тысячъ рублей на раскопки въ одной мѣстности, давшія возможность опредѣлить три вида могиль Сѣверянскаго погребальнаго обряда, а затѣмъ воспользоваться такими могилами для опредѣленія границъ Сѣверянской земли, внутренняго дѣленія ея на волости, состоявшія изъ старѣйшихъ городовъ и пригородовъ и возстановить бытъ Сѣверянъ языческой эпохи, о которомъ до того времени исторія не имѣла ни малѣйшаго понятія. Такими были мои раскопки на Сулѣ въ окрестностяхъ с. Аксютинцы, Роменскаго уѣзда, начатыя въ 1876 году, гдѣ раскопка одной только „Старшей Могилы“ стоила болѣе 1600 рублей, и гдѣ изъ матеріаловъ, добытыхъ въ курганахъ Аксютинскаго типа, были состав-

влены многія коллекціи древностей, указавших на прародину русскаго народа, остававшуюся въ неизвѣстности русской археологіи и исторіи. Такими же были мои раскопки въ Каневскомъ уѣздѣ, на побережьяхъ Роси и Россавы, начатыя въ концѣ лѣта 1876 года и продолженныя въ 1877 году, гдѣ на вскрытіе кургановъ и городища „Княжей Горы“ затрачено было болѣе трехъ тысячъ рублей, открыты были могилы и бытовые матеріалы, относящіеся къ пяти историческимъ эпохамъ, и гдѣ, слѣдуя по путямъ, намѣченнымъ моими раскопками, въ послѣдующіе годы были составлены богатые коллекціи древностей разныхъ историческихъ эпохъ: Ханенко, Звонско-Боровскаго, Тарновскаго и др. Въ обширныхъ же размѣрахъ произведены были мною раскопки въ 1884 году, на побережьѣ р. Конки въ Александровскомъ уѣздѣ на средства Императорской Археологической Коммисіи въ три тысячи рублей, гдѣ раскопаны были громадныя курганы „Безсчастная могила“ съ катакомбами, содержащими кости, каменные, костяные и мѣдные издѣлія, нѣсколько кургановъ меньшихъ размѣровъ съ такими же могилами, нѣсколько кургановъ скитской эпохи, курганный могильникъ печенѣго-половецкой эпохи и гетскій могильникъ безъ кургановъ съ остатками трупосоженія и обиліемъ золотыхъ издѣлій, инкрустированныхъ камнями и цвѣтнымъ стекломъ, устройство и содержаніе которыхъ оставались неизвѣстными русской археологіи....

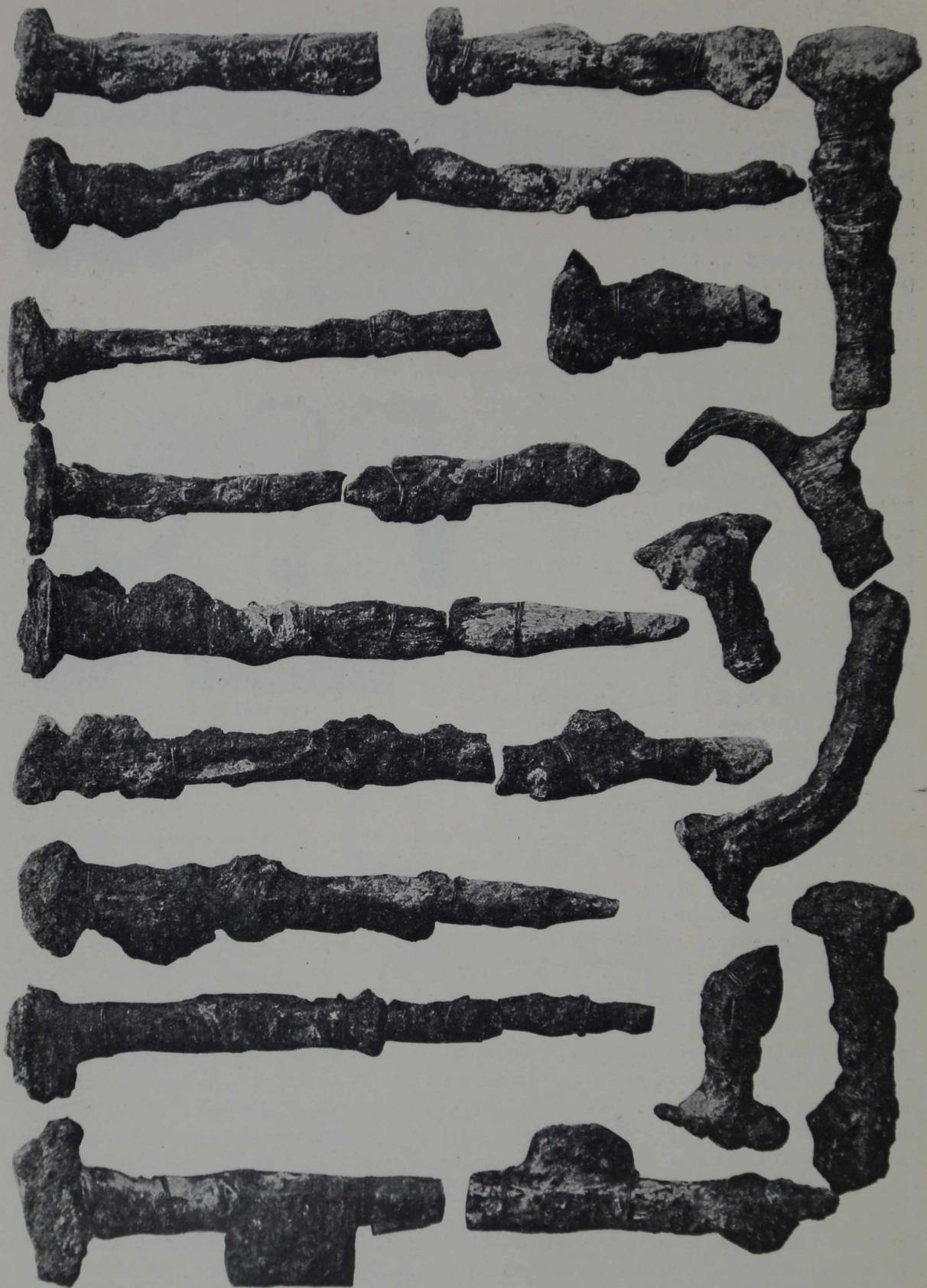

Рисунок № 35.

№ XII, четвертый большой курганъ Болдиной горы, ближайшій къ Троицкому монастырю; высота 10, окружность около 100 аршинъ; обводный ровъ съ 4 перемычками, съ сѣвера, востока, юга и запада; въ насыпи, надъ центромъ ея подошвы, глубокая яма съ выходомъ на югъ, поросшая кустарникомъ.

Курганъ раскопанъ для провѣрки старой раскопки колодцемъ 20 аршинъ въ діаметрѣ. Въ насыпи никакихъ признаковъ ограбленія могилы не найдено; а на ея черноземной подошвѣ, въ западной половинѣ кургана, оказался четырехугольный прорѣзь подошвы, заполненный свѣтлою землею, въ размѣрѣ 5 аршинъ длины и 4 аршинъ ширины, представлявшій собою могильную яму. Раскопкою Сѣзда въ яму углубленъ колодезь до 6 аршинъ, но ея дна не встрѣчено, а наступавшій вечеръ побудилъ прекратить раскопку. На другой день, по моему распоряженію, ямы на курганахъ Болдиной горы, вырытыя Сѣздомъ, были засыпаны, а въ ихъ числѣ и яма кургана № XII; но этотъ курганъ нельзя признать дослѣдованнымъ.

Случайныя находки.

Кромѣ бытовыхъ издѣлій, добытыхъ раскопками въ курганныхъ могильникахъ Старого Кладбища въ Березкахъ и Болдиной горы, поступили въ мое распоряженіе, частію во время Сѣзда, частію послѣ его закрытія, слѣдующія случайныя находки Сѣверянскихъ древностей.

I. Святоозерскій кладъ серебряныхъ украшеній.

5-го августа, за часъ до вечерняго засѣданія Ученаго Совѣта Сѣзда явился ко мнѣ крестьянинъ д. Новой Буды, Сосницкаго уѣзда, выложилъ изъ своего кармана на столъ грудку серебряныхъ украшеній и сказалъ, что эти вещи онъ нашелъ на своемъ полѣ, въ 12 верстахъ отъ сказанной деревни, на границѣ Сосницкаго и Черниговскаго уѣздовъ, въ урочищѣ Святое озеро; при распашкѣ поля, провалъ земли подъ копытомъ лошади обнаружилъ небольшую ямку подъ черноземнымъ слоемъ, въ глиняномъ материкѣ; въ ямкѣ стоялъ глиняный горшокъ, покрытый желѣзною сковородкою. Разбивъ горшокъ, крестьянинъ нашелъ въ немъ серебряныя вещи; эти вещи онъ возилъ въ м. Мѣлу для продажи, и тамошніе евреи предлагали за нихъ 200 рублей; но другіе совѣтовали свезти находку въ Черниговъ, гдѣ теперь собрались ученые люди, покупающіе такія древнія вещи. На мой вопросъ, какую же сумму желалъ бы крестьянинъ получить за свою находку отъ ученыхъ людей, крестьянинъ сказалъ, во что оцѣнить, но не менѣе того, что ему даютъ евреи за найденный кладъ. Я обѣщала крестьянину показать его находку ученымъ людямъ и дать отвѣтъ на другой день.

Вечеромъ того же дня я показала кладъ въ засѣданіи Ученаго Совѣта Сѣзда, сообщилъ сказанныя о немъ свѣдѣнія и предложилъ купить его бывшимъ на Сѣздѣ депутатамъ музеевъ и ученыхъ обществъ; но желающихъ купить кладъ на средства ученыхъ обществъ и музеевъ въ средѣ членовъ Ученаго Совѣта Сѣзда не оказалось, и я приобрѣла его на свои средства, чтобы спасти для науки, какъ состоящій изъ чрезвычайно интересныхъ древностей Сѣверянской земли, хотя я не собираю древностей со времени передачи своей коллекціи на вѣчное храненіе въ Московскій Историческій Музей.

Нижеслѣдующіе рисунки всѣхъ предметовъ клада издаются по клише заведенія Н. С. Никольскаго, а кладъ я передалъ въ И. Р. Ист. Музей для приобщенія къ отдѣлу древностей Сѣверянской земли въ коллекціи моего имени.

Составъ клада слѣдующій:

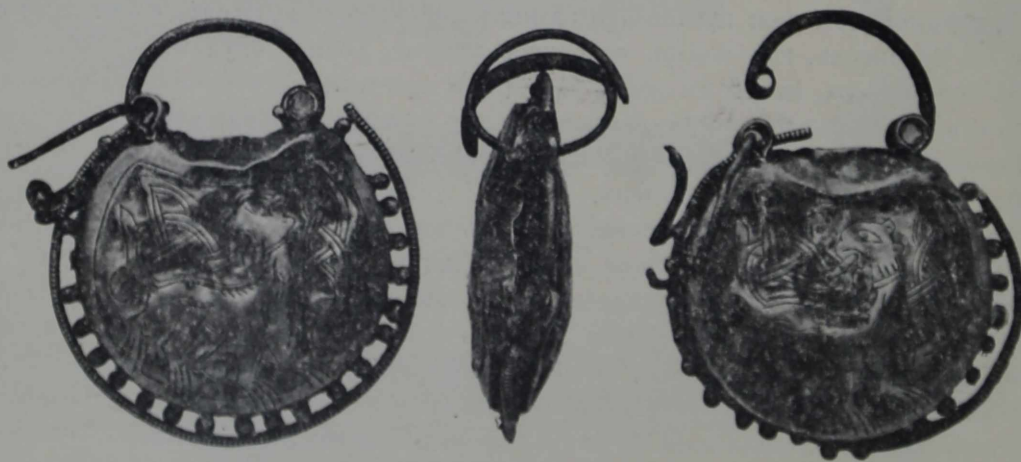
1. Проржавленный плоскій желѣзный сосудъ съ боковымъ втулкомъ для ручки, формы малороссійскихъ сковородокъ, на которыхъ пекутъ блины (рис. № 1).

Рисунокъ № 1.

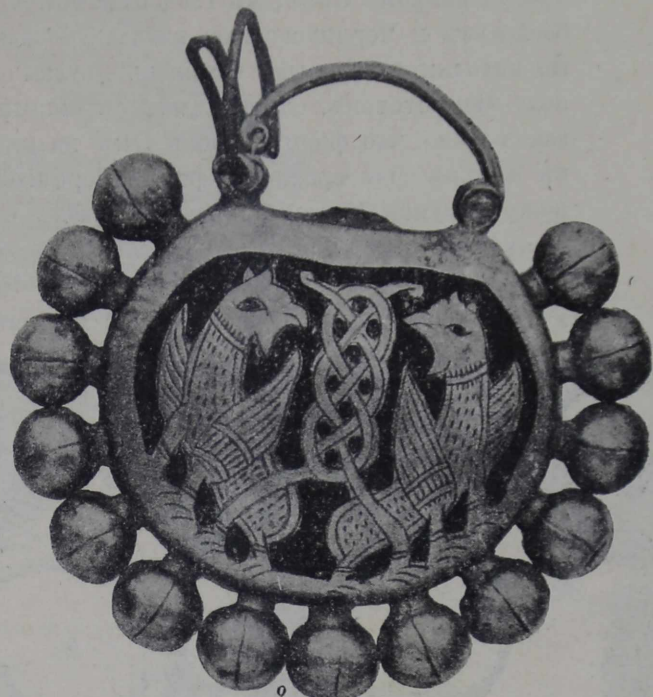
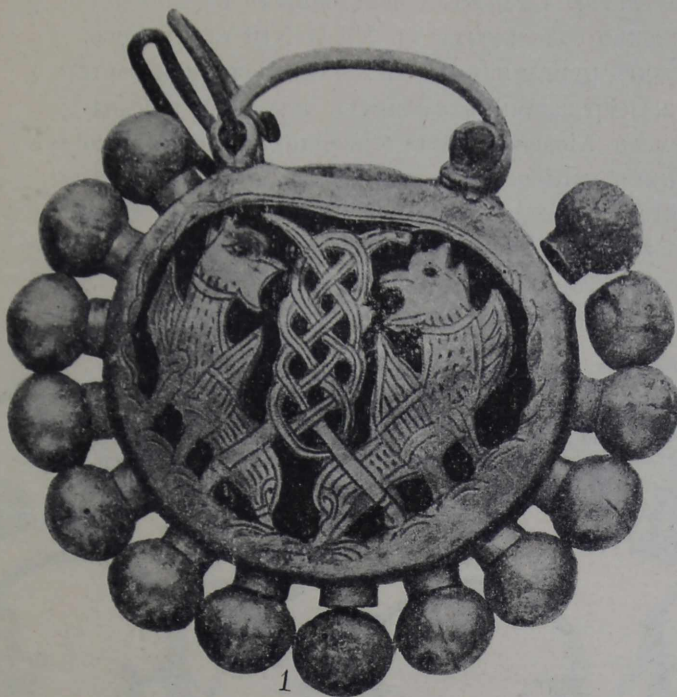
2. Два серебряныхъ колта, необычно большой величины, обнизанные вокругъ 14 шариками, съ проволочнымъ загибомъ (ушкомъ) надъ верхнимъ разрѣзомъ, замкнутымъ проволочнымъ кольцомъ безъ спайки концовъ. Боковыя бляхи колтовъ украшены черною эмалью, хорошо сохранившеюся, и символическимъ изображеніемъ древа жизни: по выходѣ изъ земли, два корня проходятъ туловища двухъ фантастическихъ грифообразныхъ животныхъ, четвероногихъ съ крыльями и птичьими головами; а затѣмъ корни сближаются и образуютъ виноградное сплетеніе формы колонки, которую клюютъ животныя. Въ одномъ изъ колтовъ сохранился комокъ черной массы, химическій анализъ которой можетъ показать вещество, которымъ наполняли древніе колты (рис. № 2).

3. Два серебряныхъ колта, обнизанныхъ мелкими шариками въ проволочномъ обводѣ, съ проволочнымъ загибомъ надъ разрѣзомъ, замкнутымъ кольцомъ безъ спайки концовъ. Бока колтовъ украшены черною эмалью, мало сохранившеюся, и символическимъ изображеніемъ древа жизни такъ, что фантастическія грифообразныя животныя съ птичьими головами, клюющія виноградныя сплетенія, помѣщены по одному на сторонѣ колта, а ихъ общая связь съ однимъ деревомъ показана полнымъ тождествомъ виноградныхъ сплетеній, соединенныхъ съ хвостами и шеями животныхъ (рис. № 3)*).

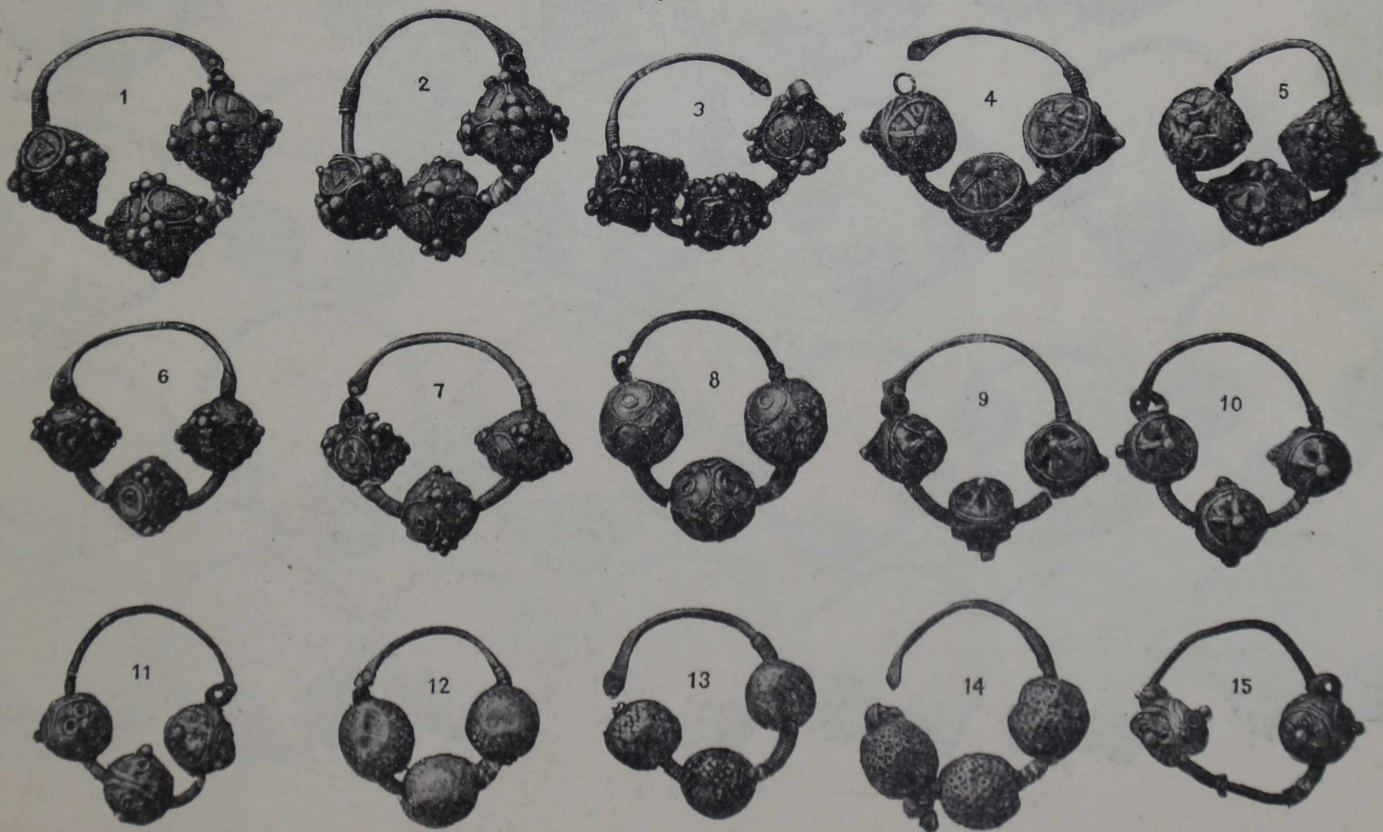

Рисунокъ № 3.

*) О символическомъ изображеніи древа жизни Д. Я. Самоквасовъ читалъ публичную лекцію, изъ которой сохранился небольшой отрывокъ, помѣщаемый мною въ слѣдующей выноскѣ. Т. С.

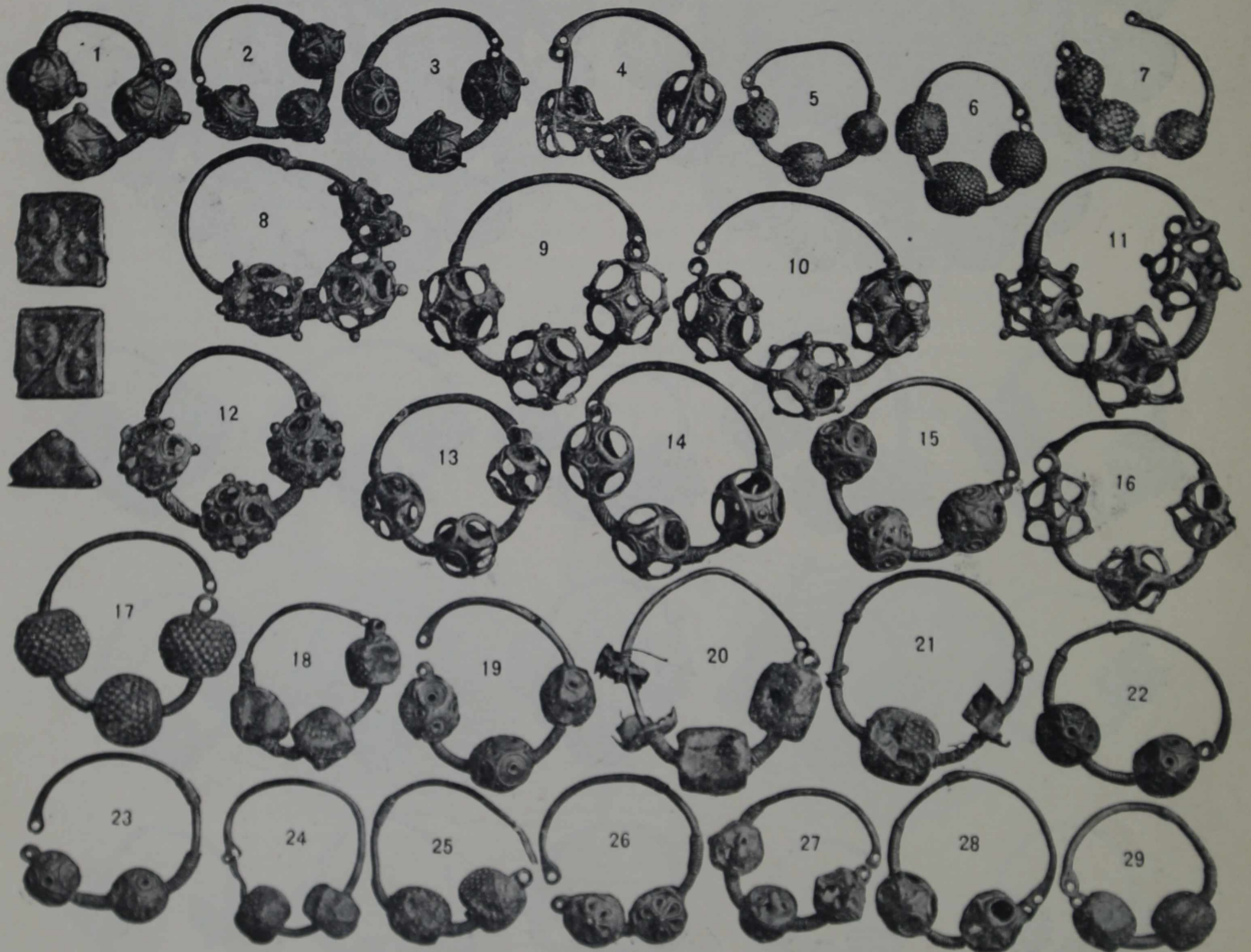

Рисунокъ № 2.

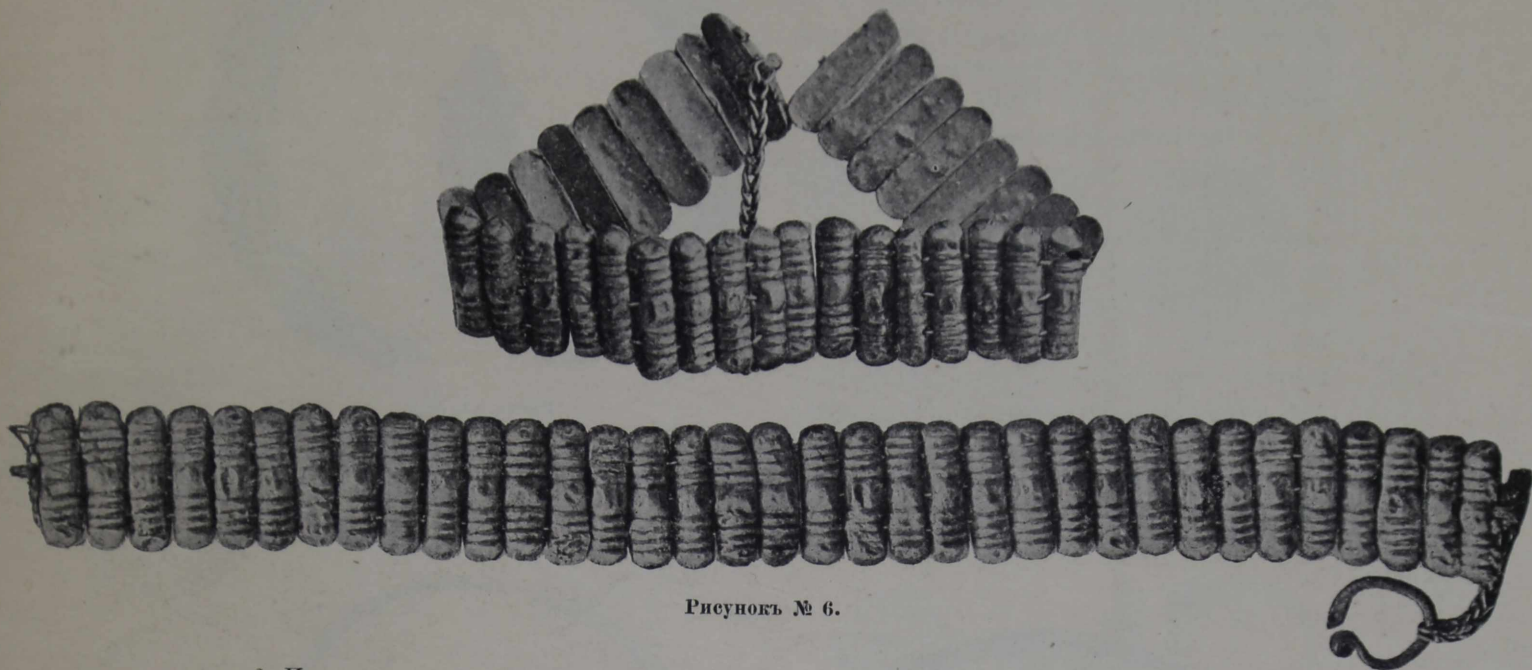
Рисунокъ № 4.

4. Пятнадцать серебряных сережек съ тремя ягодовидными подвѣсками—бусами, раздѣленными обмоткою вокругъ основного кольца тонкой серебряной нити; основныя кольца безъ спайки концовъ, но съ дырочками для несохранившихся мелкихъ колечекъ, посредствомъ которыхъ замыкались сережки, подобно колтамъ; подвѣски разныхъ рисунковъ украшены зернью и сканіей (рис. № 4). Нѣкоторыя формы трибусныхъ сережекъ этого клада сходны съ трибусными же сережками, найденными въ Черниговскихъ и Переяславскихъ языческихъ курганахъ, напримѣръ съ позолоченными кургана № 1, на Болдиной горѣ, изслѣдованномъ Съездомъ 1908 года (см. выше, с. 29), а также съ найденными во многихъ Кіевскихъ и Черниговскихъ кладахъ, обыкновенно относимыхъ къ XII и XIII столѣтіямъ. Но находки трибусныхъ сережекъ въ языческомъ курганномъ могильникѣ Болдиной горы подѣ Черниговомъ, однородныхъ съ такими же сережками сказанныхъ кладовъ, показываютъ ясно, что формы серегъ такъ называемаго Кіевского типа Сѣверянки носили уже въ X вѣкѣ. Для сравненія формъ Черниговскихъ и Кіевскихъ трибусныхъ серегъ я привожу рисунки 15 серебряныхъ сережекъ Святоозерскаго клада изъ находки крестьянина Приходько и 29 золотыхъ и серебряныхъ сережекъ изъ двухъ кладовъ, найденныхъ мною при раскопкѣ въ 1877 году городища Князей горы при впаденіи Роси въ Днѣпръ, у с. Пекарей (рис. № 5; ср. еще Б. И. Ханенко: Древн. Приди.; в. V, т. XXIV—XXVII, XXX).

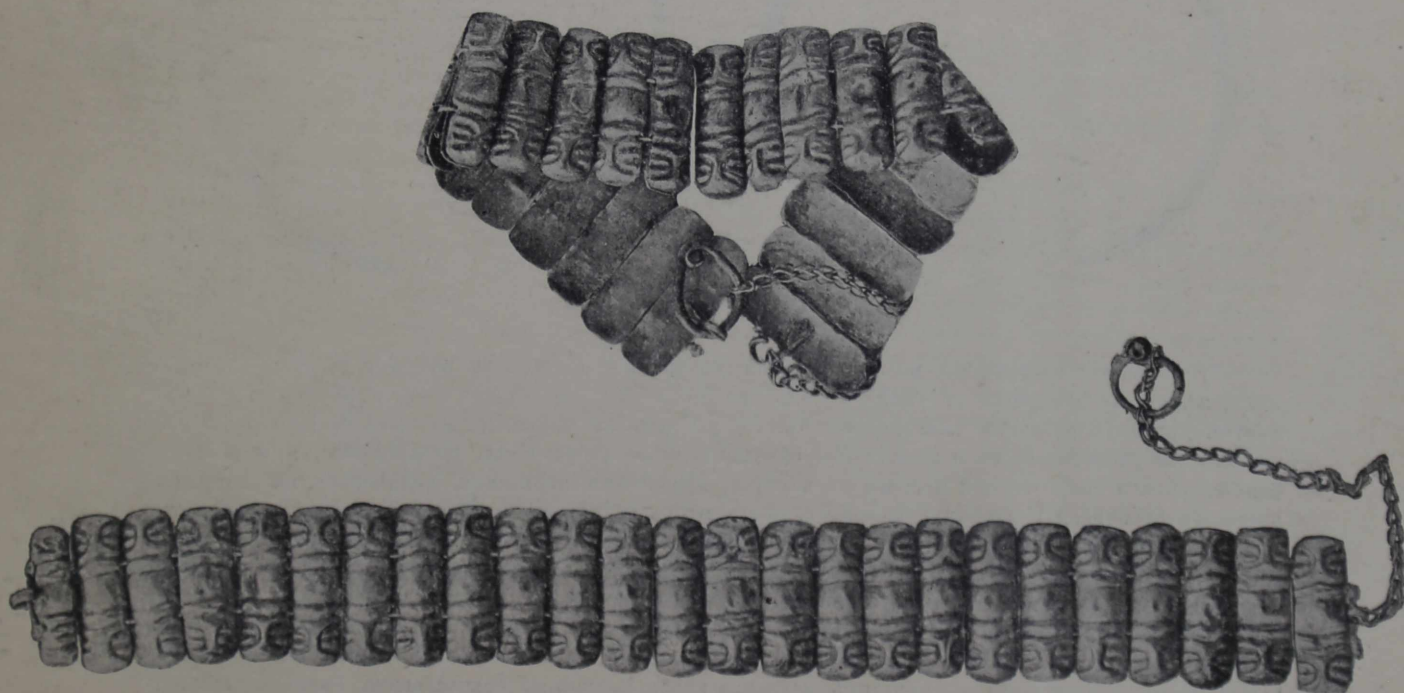
Рисунокъ № 5.

5. Семьдесят серебряныхъ узорчатыхъ пронизокъ съ тремя сквозными дырочками по бокамъ, изъ которыхъ на четырехъ имѣются маленькія ушки на одной сторонѣ, и въ двухъ изъ нихъ къ такимъ ушкамъ придѣланы цѣпочки съ колечками на концахъ безъ снай концовъ (рис. № 6).

Рисунокъ № 6.

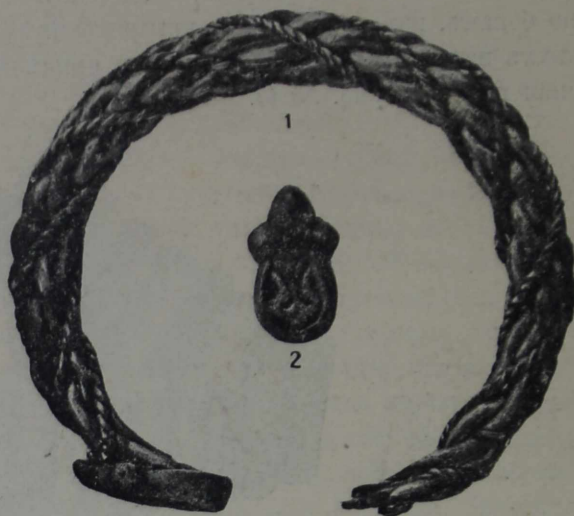
6. Пятьдесятъ такихъ же серебряныхъ узорчатыхъ пронизокъ, но съ двумя сквозными дырочками и нѣсколько большихъ размѣровъ (рис. № 7).

Рисунокъ № 7.

Такія пронизки встрѣчались и прежде въ Черниговскихъ и Кіевскихъ кладахъ, иногда съ остатками нитокъ, на которыя были нанизаны; а въ археологической литературѣ находки этого рода признавали ожерельями. Лучшіе образцы изъ Кіевскихъ кладовъ изданы Б. И. Хапенко (Древ. Приднѣпровья; в. V, табл. XXIV, XXV, XXIX).

7. Браслетъ, скрученный изъ серебряной проволоки, сплетенной въ четыре ряда и окруженный спирально серебряною же проволокою, сплетенною изъ двухъ нитей; къ концамъ припаяны массивныя серебряныя узорчатыя накладки (2); узоръ состоитъ изъ деревца съ двумя вѣтками на эмалированномъ черномъ фонѣ; этотъ знакъ одна изъ вариаций изображенія символа древа жизни (рис. № 8)*).

Рисунокъ № 8.

8. Два браслета изъ серебряныхъ проволокъ, расплющенныхъ ковкою (рис. № 9).

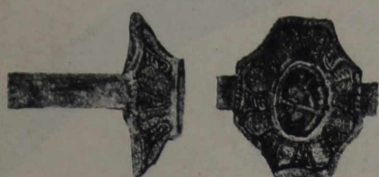

Рисунокъ № 9.

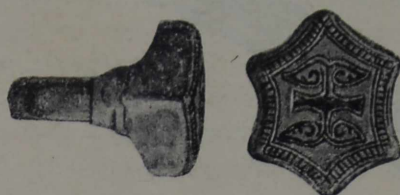
*) Сравнивая изображенія на вышеуказанныхъ колтахъ, накладкахъ браслета и четырехъ перстняхъ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что они представляютъ собою одну идею, выражаемую на множествѣ древнихъ русскихъ памятниковъ, именуемую древомъ жизни. Въ разныхъ вариацияхъ эта идея выражается растительнымъ и животнымъ орнаментами на украшеніяхъ металлическихъ издѣлій, на бляхъ турьяго рога Черной могилы, на колтахъ, браслетахъ, перстняхъ, подвѣскахъ, на заставкахъ древнихъ рукописей и древнихъ фрескахъ. Знакъ этотъ въ языческую эпоху выражалъ идею растительнаго зерна, изъ котораго возникли царства растительное и животное. Это зерно, какъ источникъ жизни по языческимъ понятіямъ русскаго народа, замѣняется въ христіанскую эпоху идеей Христа, какъ источника жизни, а потому въ христіанскую эпоху языческій символъ древа жизни, во всѣхъ его вариацияхъ, замѣняется крестомъ, символомъ Христа, также въ разнообразныхъ вариацияхъ. Этотъ переходъ отъ языческихъ изображеній идеи жизни къ христіанскимъ изображеніямъ наиболее ясно выражается изображеніями на монетахъ великаго князя Владиміра Святославича Равноапостольнаго и его преемниковъ. Знакъ, изображенный на монетахъ князя Владиміра, еще цѣликомъ представляетъ

9. Ленточный серебряный перстень, съ припаемъ узорчатой восьмигранной позолоченной бляхи, формы усѣченного конуса, съ камнемъ на сръзѣ (рис. № 10).

10. Ленточный серебряный перстень, съ припаемъ узорчатой бляхи съ шестью вогнутыми гранями; по краямъ бляхи шестигранный ободокъ изъ вогнутыхъ линий въ два ряда и черточекъ между ними, подѣ чернью; внутри ободка—знакъ, состоящій изъ ствола съ развѣтвленіями вверху, внизу и въ срединѣ; среднія развѣтвленія образуютъ справа и слѣва растительные узоры, составляющіе вмѣстѣ со стволомъ форму заставочной буквы Ж; знакъ вырѣзанъ на бѣломъ фонѣ бляхи и заполненъ черною эмалью (рис. № 11).

Рисунокъ № 10.

Рисунокъ № 11.

11. Ленточный серебряный перстень, съ припаемъ узорчатой шестигранной бляхи; по краямъ бляхи тонкій чеканный ободокъ изъ черточекъ; внутри ободка узорчатый вырѣзъ, заполненный черною эмалью, осталяющею свѣтлый позолоченный знакъ, по его идеѣ, тождественный со знакомъ предыдущаго перстня: въ черной эмали здѣсь также помѣщается стволъ, срединное развѣтвленіе котораго образуетъ справа и слѣва растительный орнаментъ, вмѣстѣ со стволомъ составляющій подобіе заставочной буквы Ж. (рис. № 12).

Рисунокъ № 12.

12. Ленточный серебряный перстень, съ припаемъ четырехгранной бляхи, окаймленной по краямъ двумя рядами линий съ черточками; внутри каймы четырехугольный ободокъ черной эмали; внутри ободка на золотомъ фонѣ рѣзной знакъ, представляющій собою

собою изображеніе древа жизни въ языческой формѣ; мы видимъ здѣсь подѣ чертою трехгранное зерно, изъ котораго развивается въ срединѣ древесный стволъ, а по бокамъ двѣ крылатыя вѣтки, какъ на перстняхъ Святоозерскаго клада; знакъ монетъ Святополка Владиміровича представляетъ собою уже вариацию символа древа жизни въ направленіи христіанской идеи: здѣсь стволъ дерева уже отсутствуетъ, а въ замѣнъ его надѣ знакомъ помѣщается крестъ съ кружками на концахъ; крестъ же вѣнчаетъ и лѣвое крыло знака монетъ Владиміра. На монетахъ Ярослава Владиміровича верхній крестъ знака монетъ Святополка замѣняется знакомъ полумѣсяца, а изображеніе креста съ четырьмя кружками на концахъ переносится на лѣвое крыло, а на знакъ другихъ монетъ Ярослава же сохраняется языческая форма символа древа жизни, но надѣ нею царитъ Андреевскій крестъ. Выраженіемъ той же идеи въ христіанскую эпоху служитъ шестиконечный крестъ, въ основѣ котораго помѣщается розетка, а надѣ розеткой кружки, обозначающіе ростъ зерна, образующаго стволъ съ крестомъ наверху и съ двумя вѣтками посрединѣ, загнутыми кверху. Такой же переходъ языческаго изображенія древа жизни въ христіанскій крестъ ясно выражается на заставкахъ древнихъ русскихъ рукописей и украшеніяхъ храмовъ, изданныхъ Строгоновскимъ училищемъ подѣ редакціей Бутовскаго, на которыхъ ясно видна постепенная замѣна растительнаго и животнаго орнаментовъ, изображавшихъ въ языческую эпоху древо жизни съ его винограднымъ стволомъ и развѣтвленіями въ формѣ ящуровъ и другихъ фантастическихъ четвероногихъ и птицъ, изображеніями креста въ его различныхъ вариацияхъ.

деревцо съ зерномъ внизу и тремя вѣтками
вверху; надъ зерномъ древесный стволъ образуетъ
двѣ вѣтки, поднимающіяся кверху параллельно
древесному стволу и кончающіяся завитками, об-
ращенными въ разныя стороны (рис. № 13).

Рисунокъ № 13.

Рисунокъ № 14.

II. Серебряный нашейникъ (гривна).

По приобрѣтеніи описаннаго Святоозерскаго клада, я передалъ его на выставку Съѣзда, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ витринѣ, рядомъ съ могильными древностями, добытыми для выставки Съѣзда раскопками гг. Макаренко и Стеллецкаго на мои средства въ Полтавской губерніи. Въ той же витринѣ, по закрытіи Съѣзда, оказался рѣдкой формы серебряный нашейникъ, по словамъ хранителей выставки, переданный въ мое распоряженіе Алексѣемъ Капитоновичемъ Ярыгинымъ. Посѣтивъ г. Ярыгина, я узналъ, что онъ приобщилъ свой нашейникъ къ древностямъ моей витрины, въ предположеніи, что въ моемъ владѣніи этотъ предметъ принесетъ бѣльшую пользу наукѣ; а найденъ онъ крестьянскимъ мальчикомъ с. Мамекина у. Новгородсѣверскаго, въ мѣстной песчаной горѣ, вмѣстѣ съ двумя такими же серебряными нашейниками, изъ которыхъ А. К. Ярыгинъ приобрѣлъ только вышеуказанный экземпляръ. Испросивъ согласіе на передачу находчику 10 рублей, какъ вознагражденіе съ моей стороны, я оставилъ нашейникъ въ своемъ владѣніи до времени изданія и передачи на храненіе въ общественный музей.

Нашейникъ представляетъ собою массивную серебряную проволоку, украшенную волнистыми гранями посредствомъковки и образующую на своихъ концахъ замокъ такимъ образомъ: утонченные концы проволоки загнуты съ одной стороны въ петлю, а съ другой въ стержень съ загибомъ, входящій въ петлю и образующій замокъ; ниже замка съ обѣихъ сторонъ утонченныя части проволоки сближаются и закрѣпляются окрѣчиваніемъ концовъ той же проволоки, помѣщеніемъ и заковываніемъ ея кончиковъ въ срединѣ такъ, что ихъ снаружи не видно. Форма украшенія производитъ впечатлѣніе необыкновенной простоты и практичности предмета, состоящаго только изъ одной проволоки, обращенной въ красивый нашейникъ высокою техникою ковательнаго искусства (рис. № 14).

Для сравненія съ описаннымъ серебрянымъ нашейникомъ, внутри его на рисункѣ № 14 помѣщенъ нашейникъ, найденный въ 1872 году въ Дьяковомъ городищѣ подъ Москвою и переданный мною на храненіе въ И. М. Арх. Общество. Этотъ нашейникъ замыкается также способомъ нашейника Мамекинскаго и скованъ изъ одной проволоки, но не изъ серебряной, а бронзовой проволоки и безъ волнистыхъ граней (ср. Труды IX Арх. Съѣзда; с. 256; т. XXVII*)....

*) Рисунковъ этого нашейника и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ не оказалось, и теперь нѣтъ возможности пополнить этотъ пробѣлъ Т. С.

